

Ша Ци с товарищами перебрасывались ленивыми фразами, пока машина катилась по дороге. Они то и дело поглядывали на своего капитана, который вовсю обхаживал «супругу», и обменивались едкими комментариями. Внезапно Шэнь Минлян вскинул руку и дважды постучал себя по плечу — этот жест заставил троицу мгновенно подобраться. В их отряде это означало: «Я тебя вижу!». Командир частенько пугал этим новичков, и уж если ты попадал к нему «на мушку», добром это обычно не кончалось.

Не смея больше медлить, бойцы попрыгали из кузова. На берегу остались лишь дедушка Цинь да пара стариков, обсуждавших виды на урожай. Ша Ци поспешил к ним:

— Деда, я вернулся!

Дедушка Цинь, завидев Ша Ци в компании двух незнакомых парней, прищурился:

— Ци-эр, ты же вроде Лэ-лэ говорил, что сегодня делом занят? Как ты тут оказался?

— Да я только на вокзал сгонял, встретил ребят и сразу назад, — Ша Ци указал на тех, кто стоял за его спиной. — Деда, знакомься: это мои сослуживцы. Вот этот здоровяк — Лэй Юн, а тот, что в очках и с виду потише — Цзинь Бо. Мы же договаривались, что они приедут помогать. Ещё двое в пути, дня через два будут.

Дедушка Цинь церемонно пожал руки обоим гостям:

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Раз вы боевые товарищи Минляна, значит, люди надёжные, настоящие богатыри. Устали, небось, с дороги? Ша Ци, отведи их в дом, пусть отдохнут.

Лэй Юн выглядел парнем простодушным и крепким, словно всю жизнь в поле проработал. Цзинь Бо же, напротив, походил на сельского учителя — тихий, интеллигентный, в очках. В отряде он отвечал за техническую часть: гений с IQ под сто сорок, выходец из семьи учёных, он с детства привык иметь дело с сухими цифрами, а потому был не особо разговорчив.

Обменявшись парой слов с дедушкой, Ша Ци вспомнил о «чёрной метке», которую только что выдал капитан, и решил не терять времени.

— Мы, пожалуй, сразу спустимся, подмогнём!

Дедушка Цинь было замахал руками, но передумал. В деревне ведь как: сегодня чужой, завтра свой, да и людей на пруду явно не хватало. Старики уже наловили себе на ужин и вышли на берег, а ребятня — народ ненадёжный. Глядя на рослых парней, дед кивнул:

— Ну, раз хотите — идите.

Троица скинула обувь и уже закатала штанины, собираясь лезть в мутную воду, как старик их притормозил:

— Куда?! Вода осенняя, холодная — мигом кости простудите. Так нельзя!

Лэй Юн почесал затылок и широко, по-деревенски улыбнулся:

— Пустяки, деда! Мы люди тренированные. Сейчас-то погода — благодать. Мы в такие морозы босиком по снегу бегали, что эта водица нам как парное молоко. Не смотрите, что с виду городские, закалка у нас железная!

Он хлопнул Цзинь Бо по плечу, словно предъявляя доказательство дедушке.

Дедушка Цинь нахмурился:

— Всё равно не пуцу. Армия — это армия, а дома правила мои. Там вы приказы слушаете, а здесь — извольте деда уважить.

Он сбегал к соседям, раздобыл для них резиновые сапоги и перчатки, проследив, чтобы каждый экипировался как положено.

— Берегите здоровье, а то к старости каждый сустав взвоят. Всё, теперь ступайте.

Оказавшись в пруду, парни первым делом поймали по рыбине и торжественно потащили их к командиру. Лэй Юн, будучи парнем бесхитростным, зычно выкрикнул:

— Здравия желаю, жёнушка!

Цзинь Бо тут же отвесил ему подзатыльник, отчего тот едва не мазнул носом по илу:

— Не умеешь говорить — помалкивай. Работай давай.

Гений с высоким IQ сразу раскусил семейную иерархию и решил проучить своего «верного пса» за отсутствие такта.

Цинь Лэ лишь зубами скрипнул. Посмотрев на громилу и прикрывающего его «очкарика», а затем на Ша Ци, который явно наслаждался зрелищем, он чиркнул пару строк в своём мысленном списке мести. Будет у него ещё время приструнить этих служивых.

Шэнь Минлян махнул своим, мол, проваливайте, нечего тут «лампочками» светить, и без вас солнце печёт. Те разбрелись в разные стороны — зачем утруждать любимого человека, когда есть рабочая сила? Заметив, что Цинь Лэ приуныл, Шэнь помог ему выбраться на берег и усесться на траву, после чего сам стянул сапоги:

— Отдохни пока. Я сам справлюсь, а ты лучше продумай меню для нашего рыбного пира.

— Лови побольше, а то без ужина оставлю! — Цинь Лэ небрежно махнул рукой, спроваживая его обратно.

— Слушаюсь! — Шэнь Минлян шутливо поклонился и, улучив момент, коснулся губами руки своего «императора». Лэ только фыркнул — в конце концов, они уже решили быть вместе, так чего теперь скромничать?

Цинь Лэ лениво наблюдал за тем, как Шэнь Минлян, освободившись от его «опеки», деловито выуживает рыбу одну за другой. Корзина Цинь Чжицю стремительно наполнялась. Лэ невольно улыбнулся: «А ведь не прогадал я с мужчиной. Год бегал за ним — и вот он, мой. Да я бы и дольше бегал, он того стоит».

Пока он мечтал о меню, к нему, подталкивая друг друга, подошла стайка деревенских подростков. В центре этой группы, густо краснея, переминался с ноги на ногу Цинь Ян. Лэ сразу его узнал — они были в родстве. Хотя в деревне почти все носили фамилию Цинь, эти ребята считались «своими», из одной ветви. Цинь Ян должен был называть его братом.

Деревенские порядки порой забавляли: ровесник мог оказаться тебе дядей по крови. Вот и среди тех, кто пришёл, за спинами парней прятался маленький толстячок — «дядюшка» Цинь Лэ.

— Дядя, вы чего там затеяли? — усмехнулся Лэ, глядя на притаившегося мальчишку. Тот втянул голову в плечи и зарылся поглубже в толпу сверстников.

Главный из «ходовков», Цинь Ян — парень с пучком осветлённых волос на макушке, — набрал в грудь воздуха. Совсем не похожий на того хулигана-прогульщика, коим его считали в деревне, он пролепетал едва слышно:

— Брат... это... мы... в общем, можно нам у тебя поработать?

К концу фразы голос его и вовсе сошёл на нет, а на лбу выступила испарина.

— Мы хоть и молодые, но силы вагон! — выпалил он, зажмурившись, словно перед прыжком в бездну. — На стройку нас не берут, кирпичи таскать возраст не вышел. Но мы же деревенские, в земле копать привычные. Ты ведь собираешься поле засеять? Мы справимся, честно. И денег много не просим — тысячи в месяц хватит... или даже семьсот!

Ребята уставились на Цинь Лэ с такой надеждой, что тот даже растерялся. Он обернулся и перехватил взгляды их родителей, стоявших неподалёку: в глазах взрослых читалась тревога, неловкость и тихая мольба. Лэ невольно вздохнул: «Ох уж эта родительская доля».

Он легонько хлопнул Цинь Яна по макушке, отвесив шуточный щелбан:

— Ладно. Приходите на пробу на несколько дней. Но предупреждаю: спуску не дам. Работа будет тяжёлая, несмотря на возраст. Если кто не сдюжит — говорите сразу.

Радость мальчишек была почти осязаемой. Они мигом вытянулись в струнку перед будущим работодателем:

— О чём речь?! Мы же мужики, хоть и молодые. Раз сказали — сделаем, бегать не в наших правилах!

Атмосфера мгновенно разрядилась, подростки загалдели наперебой:

— А это что, правда твоя «жёнушка»? Красавец какой!

— Брат Лэ, ты и впрямь по парням? Это про таких, как ты, учителя говорят, что истина — удел меньшинства?

— А эти вон, сбоку — это типа твой гарем, как в книжках?

Цинь Лэ терпел долго, но в итоге не выдержал и раздал каждому по «сахарному каштану» — увесистому щелбану:

— Что за каша у вас в головах? Идите домой, пообедайте и говорите с родителями. Кого пустят — завтра утром ко мне на пост. — Он кивнул в сторону работающего Шэнь Минляна и добавил тише: — Только знайте: «жёнушка» эта у меня с крутым нравом. Будете отлынивать — он вас так отделает, что мало не покажется. Я заступаться не стану.

Мальчишки весело зашушукались и, завидев приближающегося Шэнь Минляна, приснули врассыпную. Цинь Лэ улыбнулся им вслед, вспомнив свою юность.

— «Жёнушка»? — Шэнь Минлян, не снимая перчаток, легонько ущипнул Лэ за щёку, явно довольный тактильным контактом. — погоди, вот переедем в новый дом, опробуем новую кровать, тогда я тебе быстро растолкую, чьё место сверху.

Цинь Лэ тут же вскинулся:

— А что такого?! Если твоим воякам можно меня невесткой звать, почему моим ребятам нельзя тебя так величать? Мы оба мужики, комплектация одинаковая. Чего мне бояться? Попробуй только, у младшего дяди в кровати места навалом!

К тому времени, как Шэнь выбрался на берег, пруд был практически очищен. Владелец участка, Цинь Чжицю, глядя на груды рыбы в корзинах солдат, заметно помрачнел. Цинь Лэ же так и сиял от гордости:

— Ты сам сказал: забирай всё, что поймаешь. Слово не воробей!

— Я тебя имел в виду, — буркнул Чжицю, кривясь. — А ты целую армию привёл. Это не ловля, это читерство какое-то.

Цинь Лэ лишь развёл руками:

— Какая разница? Поймано — значит моё. Ты про «внешнюю помощь» ничего не говорил, так что нечего теперь на попятную идти. Забираем!

У Цинь Чжицю не осталось аргументов:

— Да забирай, подавись ты этой рыбой!

Лэ, сияя как медный таз, подхватил две полные корзины, а Шэнь Минлян последовал за ним. Ша Ци с товарищами лишь переглянулись в недоумении.

Чжай Цзяоцзяо рассмеялась:

— Идите за ними, ребята! Разорите этого скрягу Цинь Лэ, съешьте у него всё подчистую. Готовит он божественно, так что пусть отрабатывает ваш труд. Глядишь, и нам на душе легче станет!

— Точно! — поддакнул Чжицю. — Сбейте с него спесь!

Но тут же получил от Цзяоцзяо затрещину.

— Опять ты споришь? С самой школы его обыграть не можешь, а всё туда же!

Цинь Чжицю понуро опустил голову:

— Да кто ж знал, что он спустя столько лет вернётся таким же невыносимым... Никакого уважения к другу!

<http://bllate.org/book/17507/1659366>